

восприятие накопленного русской революционной поэзией художественного опыта и ее основных мотивов, что конечно более интенсивно проявляется в болгарской чем в румынской литературе.

В тематическом диапазоне и в общем идейно-художественном звучании поэзии Ботева можно выявить немало мотивов, навеянных лермонтовской лирикой («Жалобы турка», «Родина», «1-е января 1840 г.», «Прощай, немгая Россия» и др.), протестом изнывающего на чужбине Огарева, призывами «на подвиг доблестный... в борьбе кровавой» молодого Плещеева. Хотя известное стихотворение Плещеева «Вперед», написанное до ссылки поэта за участие в кружке петрашевцев, созвучно с программным стихотворением Ботева «Борьба», сила социального протеста и классовая ненависть у болгарского поэта несравнимо превышает «голос благородный... истины святой», призыв которого носит весьма отвлеченный характер: («Жрецов греха и лжи мы будем / Глаголом истины карать, / И спящих мы от сна разбудим / И поведем на битву рать»). Разоблачая «ложь и рабство», которые «царят на земле...» Ботев конкретизирует свою мысль непоколебимо веря, что: «В этом царстве кровавом, грешном, / Царстве подлости, разврата и слез, / Царстве скорби, зла бесконечного — / Кипит борьба и шагами быстрыми / Подходит к своему священному концу... / И мы воскликнем: «хлеб иль свинец!» Здесь как будто-бы больше михайловской накалки, которому характерны такие стихи: «Час обновления настанет — / Воли добьется народ...» или «Настанет пора уплат кровавых, / Настанет день страшного суда...»¹.

Аналогичное отношение к жестокой действительности, тождественность идейной установки порождают, конечно, общие мотивы в художественном творчестве. Так, Ботева роднит с Некрасовым, например, сила гнева и мести. Ботевская «Элегия» («Кажми ми кажми, бедни народ, / кой те в таз рабска люлка люлее?») дышит той же бесконечной скорбью о страждущем народе, презрением к предателям и малодушным, которых болгарский поэт называет «скотским племенем», а русский — «ничтожным племенем» («Рыцарь на час»).

Исходя из высказываний Ботева, так же как и Каравелова, по вопросам литературного творчества, критики и публицистики вообще², можно определить их теоретическую установку, отстаивающую принципы трезвого реализма, народности и национальной самобытности. В истолковании этих принципов они явно находятся в кругу тех концепций, которые в силу глубоких идейных связей с русскими революционными демократами, были почерпнуты ими главным образом у Герцена, Белинского, Добролюбова и Чернышевского³.

¹ М. МИХАЙЛОВ, *Собрание стихотворений*, Советский писатель, Ленинград, 1953, стр. 135, 155.

² См. статьи БОТЕВА, *Обязанности писателей и журналистов, Заметки о книгах*, Письмо к И. Драсову от 12 апреля 1875 г. и др. (в цит. сб. *Публицистика*, стр. 401—406, 426—439, 448).

³ Об этом писал сам Любен Каравелов в одной полемической статье: «Но имеют ли право предатели национальных интересов своего народа произносить имя России? Знают ли они, кто таков Шевченко, Гоголь, Герцен, Белинский, Чернышевский?» (Цит. по указанной книге В. Велчева, стр. 60).